

Приглашение на казнь

Петр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог

Переход в казначейство грозит образованию тем, что даже в учколлектор оно будет ходить с протянутой рукой, лишь бы у него приняли копеечный заказ по безналичному расчёту.

Директор известной московской школы был явно не в своей тарелке: человек во всём обязательный, он не мог выплатить зарплату учителям лицейских классов. Трагикомично было то, что на внебюджетных счетах, с которых производились выплаты, деньги были, но там они лежали как за пуленепробиваемым стеклом. Видимы, но недосыгаемы. Внебюджетные счета школы заблокировали в связи с решением правительства об их переводе в казначейство.

Споры о плюсах и минусах такого решения закончились, началось суровое и беспощадное давление на образовательные учреждения. Вопреки элементарной логике теперь всё, что зарабатывают государственные образовательные учреждения и на что они живут и развиваются, уйдёт в общий котёл, из которого деньги будут выдаваться только по утверждённой смете.

Разговоры о хозяйственной самостоятельности школ, к сожалению, оказались очередным мифом. Ведь смета предполагает предварительный обсчёт всех затрат и непредвиденных расходов, и если вдруг выяснится, что школе вместо заявленных карандашей понадобились ручки или ластик, надо будет долго доказывать необходимость такой замены. Эта мера правительства, по замыслу ведущая к полной прозрачности финансовых потоков в образовании, скорее приведёт к его криминализации и уходу в тень огромного финансового потока. В результате перевода счетов образовательных учреждений в казначейство образование может потерять от семи до десяти миллиардов рублей в год.

Легче держать вожжи, чем бразды правления.

Похоже, что правительство, громко разрекламировав повышение зарплаты, решило компенсировать необходимые дополнительные расходы за счёт самого образования. Как заправский факир, оно в левой руке держит красивый плакат о предстоящей райской жизни, а правой выворачивает у доверчивой публики карманы.

Очевидно, что заявленную правительством модернизацию образования невозможно осуществить на деньги, которые даёт образованию бюджет. Но где взять другие? Раньше родители были готовы платить школе за лицейские и гимназические классы, потому что видели, куда уходят их деньги. Действительно ли переход в казначейство ведёт к прозрачности? Увы, есть опасение, что прозрачность будет односторонней, то есть государство будет видеть и знать, куда расходует «свои» (внебюджетные) деньги, а вот те, кто их платит, — вряд ли. Если нельзя будет распоряжаться заработанными деньгами, в частности, доплачивать учителям и ремонтировать дышащие на ладан школьные здания, то какой смысл для школы, кроме чистого подвижничества, останется в предоставлении дополнительных услуг? Из концепции модернизации образования неизвестным образом исчезли все экономические расчёты. Твёрдой рукой Министерства финансов перечёркнута вся экономическая основа модернизации. Гуляя по правительственным коридорам, этот документ претерпел удивительную метаморфозу. Первоначально задумывалось, что модернизация увеличит ответственность государства перед образовательными учреждениями и будет способствовать повышению статуса педагога. Речь, прежде всего, шла о повышении заработной платы учителям. В окончательно утвер-

ждённом варианте документа, по сути, содержится приговор этой надежде. Так, в проекте документа предполагалось увеличить расходы на образование с 3% внутреннего валового продукта (ВВП) до 4,5%. А вот в советский период доля этих расходов составляла 7% ВВП. Робкое обещание увеличить отчисления на образование исчезло. Пропало из него и предложение о ежегодном увеличении расходов на образование из федерального и региональных бюджетов. Вычеркнут и тезис о повышении зарплаты учителям до прожиточного минимума. Сроки доведения уровня зарплаты учителя до средней по промышленности отодвинуты с 2004 года на 2006-й.

Огорошенный судьбою, ты все.. ж не отчаивайся!

Свою лепту в «систематизацию» финансового положения учреждений образования внёс новый «Налоговый кодекс». Руководители, понимающие, что произошло, с трепетом ждут первого в этом году балансового отчёта. В нём они должны показать прибыль своего государственного учреждения. Вдумайтесь: учреждения теперь финансируются только по смете, в которую, видимо, уже в обязательном порядке надо будет закладывать прибыль. На этом фоне даже строгости казначейства кажутся невинными цветочками. Теперь, с отменой понятия о рефинансировании, образование будет вдвое больше «отстёгивать» государству, которое его содержать не хочет, но желает при этом жёстко контролировать и указывать, что делать. Похоже, образование упорно выталкивают на путь, по которому сегодня идут малый и средний бизнес: работать «в тени», найдя себе надёжную криминальную крышу, которая грабит меньше, чем государство.

Школьный дефолт

В образовательных бюджетах субъектов Федерации зияют чёрные дыры.

Положение в образовательном пространстве России напоминает мне ситуацию, сложившуюся в начале 50-х годов в колхозной жизни. Тогда по экранам сельских клубов с размахом прокатился фильм «Кубанские казаки». В этой киносказке, как известно, показывалась зажиточная и счастливая жизнь колхозников в послевоенной деревне. Обобранные государством голодные зрители, переживая происходящее на экране, свято верили: «Это, значит, только в нашем колхозе такое бедственное положение. А везде, оказывается, кипит богатая и радостная жизнь».

И самый последний нищий, при других условиях, способен быть первым богачом.

Думается, что многие педагоги, слыша сегодня о повышении заработной платы, щедрых призах, получаемых победителями различных конкурсов, тысячах учителей, облагодетельствованных Федерацией Интернет Образование, полагают, что это только в их городках и сёлах всё обстоит с точностью до наоборот. А в целом-то жизнь российского учителя стала счастливой и зажиточной.

К этим размышлениям меня подтолкнул тревожный звонок директора школы из одного закрытого северного города. Подчеркну, что в этом городе успешно трудятся несколько лауреатов наших конкурсов.

Так вот, ещё совсем недавно местные педагоги чувствовали себя обеспеченными людьми. Всё у них было хорошо аккуратно до объявления о двукратном повышении зарплаты. В начале им сказали, что жалование смогут повысить только на 20%, отчего учителя, конечно, пригорюнились. Однако действительность превзошла все ожидания. В это трудно поверить, но в закрытом северном городе учителям вообще прекратили платить зарплату. Дело дошло до того, что в школах за долги отключили телефоны и если было нужно вызвать ученику «ско-

рую помощь», то приходилось бежать в соседний дом. Вот такие «Кубанские казаки-2»!

И если бы это был единичный случай, так ведь нет! Похоже, что долгожданный перевод школ из-под крыла муниципалитетов под управление субъектов Федерации принёс учительству одно разочарование. В ряде областей губернаторы, централизовав выплаты, лишили педагогов значительных надбавок, которые иногда превышали основную зарплату. И оказалось, что разрекламированное повышение зарплаты превратилось для части учителей из наиболее успешных, но и самых дорогих городов в её осязаемое снижение. Но самое тревожное заключается в том, что в некоторых крупных субъектах Федерации в образовательных бюджетах зияют огромные чёрные дыры. Так, например, нехватка почти миллиарда рублей, которые Москва должна была истратить на образование, больно ударит по педагогам столицы нашей Родины в четвёртом квартале текущего года. Остаётся только гадать, какая статья расходов будет урезана и какие новые источники финансирования удастся отыскать.

В спёртом воздухе при всём старании не надышишься.

Конечно, события прошлых лет показали, что терпение наших учителей почти безгранично. Чтобы школы вновь опустели, надо сделать многим больше, чем просто задержать зарплату на пару-тройку месяцев.

Но в любой момент ситуация может выйти из-под контроля властей и тогда грянет своеобразный школьный дефолт. Его последствия предсказать нетрудно. Дело в том, что социальную напряжённость, если она выльется в массовые забастовки учителей, будет очень нелегко погасить. Сейчас существенно изменился корпус управленцев регионального и муниципального уровня. Очень мало осталось харизматических лидеров первой волны, которые пользовались авторитетом и доверием у учительства и могли уговорить педагогов прекратить забастовку или голодовку. Сейчас у руля власти всё больше классических чиновников, и это вполне в духе времени. Однако удобные, исполнительные и вполне подходящие для спокойного развития событий, они вряд ли смогут эффективно воздействовать на учительство в кризисных ситуациях.

Родное слово

Недостаточное внимание к лингвистическому развитию ребёнка способствует появлению «слабого читателя».

Раз в год весной я участвую в работе семинара школьных библиотекарей. Встречаясь с этими мудрыми усталыми женщинами, радуюсь их подвижничеству, огорчаюсь плачевным, даже по сравнению с учительским, уровнем зарплаты. Погружаюсь в их особый мир — круг чистой воды — жизнь школьной библиотеки, где царствует её величество Книга. Эти подвижницы с горечью констатируют, что ручеек детей, устремляющихся в библиотеки, с каждым годом мелеет. И я невольно вспоминаю поразивший меня случай, произошедший с моим сыном.

Мы отдыхали на одной из турбаз в Ивановской области. Детей было немного, но всё же нашёлся среди них мальчишка чуть постарше моего сына. Они играли вместе, но сын каждый день находил время, чтобы почитать. Сначала это удивило его товарища, но потом он от вынужденного безделья тоже взялся за книгу и неожиданно ему понравилось это занятие, казавшееся таким неинтересным.

Почему же десятки и сотни детей в ещё недавно самой читающей стране так равнодушны к книге? На этот вопрос нет простого ответа. К сожалению, по умению читать (то есть не просто складывать буквы в слова, но и понимать прочитанное) мы сегодня занимаем 32-е место в мире. Именно о таком результате говорят исследования, проведённые международными организациями. При этом необходимо учесть, что в мире в целом в последние годы обострилась проблема функциональной неграмотности. В благополучной Америке, например,

проживает около 30 млн неграмотных и около 50 млн полуграмотных, пишущих и читающих с большим трудом. В Европе положение обстоит не лучше — здесь процветает вторичная неграмотность. Это означает, что люди окончили школу, возможно, даже университет, но пишут и читают с трудом. В Германии таких сегодня около 4 млн, а во Франции с трудом читает и пишет пятая часть трудоспособного населения.

Вещи бывают великими и малыми не только по воле обстоятельств, но также по понятиям каждого.

Как считают исследователи, неграмотные люди испытывают серьёзные трудности не столько прагматического характера, сколько культурного и эмоционального. Они боятся быть уличёнными в своём недостатке. У них развивается негативное отношение к культуре, нежелание (скрытое неумение) помогать детям в выполнении домашних заданий и страх перед школой, мешающий им общаться с учителями. Но даже в быту неграмотному человеку приходится нелегко. Проблемой становится заполнение анкеты, банковского или трудового договора, отправка почтовых бандеролей и писем. Из-за непонимания того, что написано в инструкции, у них возникают проблемы со сложными бытовыми приборами, не говоря уже об освоении компьютера. В результате функциональная неграмотность выталкивает этих людей на обочину жизни.

Группу людей, близко стоящих к функционально неграмотным, обозначили специальным термином «слабые читатели». Для них характерно «пассивное чтение», выражающееся в нежелании читать. Эта категория людей не находит времени на чтение, считая его нецелесообразным. В книгах таких читателей интересует только практическая информация.

В западных странах заметили это явление и поняли его опасность. Она в том, что развитие общества, а значит и его конкурентоспособность, зависят от уровня образования работников, их способности постоянно повышать свою квалификацию. Вслед за Западом и мы заговорили о необходимости непрерывного образования (то есть самообучения на протяжении всей жизни). Несомненно, что для неграмотных людей процесс затруднён.

Из всех плодов наилучшее приносит хорошее воспитание.

В чём же корни непонятного явления, заставившего американских специалистов ещё в 1983 году подготовить доклад с грозным, но точным названием «Нация в опасности»? Пока нет единого мнения о том, существует ли кризис чтения. Если он существует, то, скорее всего, связан с принудительным характером обучения. Существуют две одинаково опасные позиции родителей, на которых, по мнению исследователей, лежит ответственность за появление «слабых читателей». Часть из них просто не уделяет внимания лингвистическому развитию своих детей, начинать которое надо ещё с младенчества. С малышом мало говорят, ему не читают и не рассказывают, что, несомненно, не способствует развитию его словарного запаса. Другая же часть родителей пренебрегает природными возможностями ребёнка и, опираясь на модные сегодня технологии, увлекается ранним обучением чтению. Дети быстро учатся складывать буквы в слова, но понимают ли они прочитанный текст, возникает ли у них желание читать самостоятельно? Физиологи признают, что многие навыки могут быть привиты ребёнку с помощью «дрессировки», но не дают гарантий, что это пойдёт на пользу его интеллектуальному и психическому развитию.

Российские физиологи добавляют ещё один чёрный шар нашей системе школьного обучения. По их мнению, скорость чтения, которую принято контролировать в начальной школе, приводит к тому, что дети перестают понимать прочитанное. Именно это во всём мире и называют функциональной неграмотностью, но на добросовестные исследования возникшей проблемы у нас традиционно нет денег.